

Янь Гуй, услышав это, обернулся и встретился с ним взглядом.

Внезапно он усмехнулся:

— Ваше Высочество изволит говорить сущую правду.

Все говорят, что даже у самого сурового воина есть нежная душа. Великий генерал обычно не жаловал людей улыбкой, а уж если улыбался — кто знает, сколько девичьих сердец было разбито этим зрелищем.

Хэ Цяньсяо еще не успел понять, была ли это ирония или искреннее восхищение, как карета вдруг качнулась. Колесо, похоже, наехало на что-то, и экипаж затрясло. Хэ Цяньсяо невольно накренился и навалился на Янь Гуя.

Тот сидел неподвижно, словно гора, но тут же протянул руку и обхватил его за талию.

Ощув под ладонью мягкость, он тут же отдернул руку, словно обжегшись.

В итоге Хэ Цяньсяо не удержал равновесия, и генералу пришлось снова протянуть руку, чтобы придержать его. Они сидели в до крайности тесной близости. Хэ Цяньсяо, еще не оправившись от испуга, посмотрел в окно.

Снаружи доносился детский смех и гомон.

Кучер отозвался:

— Прошу прощения, Ваше Высочество, это дети преградили путь карете.

Янь Гуй убрал руку с талии Хэ Цяньсяо.

Он приподнял занавеску и бесстрастно посмотрел на мальчишек. Те сначала засмотрелись на красивое лицо Хэ Цяньсяо, но тут же наткнулись на взгляд Янь Гуя.

Генерал даже не пытался скрыть свою убийственную ауру.

Спустя несколько секунд дети разом притихли. Один из них, самый пугливый, вдруг скривил губы и расплакался, прячась за спины товарищей.

Хэ Цяньсяо: «...» Ну надо же, генерал Янь обладает и такими талантами.

Напугать детей до слез — это надо уметь.

Хэ Цяньсяо только собрался податься вперед, как один из мальчишек робко пролепетал:

— Старший брат, цветок упал.

Он слегка опешил, опустил голову и увидел, что цветок гибискуса действительно свалился. Неизвестно, сколько он пробыл у него в волосах, но уже успел немного завянуть.

Только он наклонился, чтобы поднять его, как большая рука опередила его.

Хэ Цяньсяо поднял голову. Прохладный цветок снова оказался заправлен за его ухо. Он посмотрел на Янь Гуя, но тот уже отвел взгляд в сторону детей.

Видя, что дети перестали плакать, оба невольно выдохнули с облегчением.

Ощущение теплой ладони Янь Гуя все еще отдавалось на талии, и Хэ Цяньсяо тихонько кашлянул. Янь Гуй медленно опустил занавеску.

Весь оставшийся путь Хэ Цяньсяо напряженно держался, не позволяя себе больше привалиться к Янь Гую.

А в руке у Янь Гуя все еще хранилось то самое ощущение мягкости.

Неужели мужская талия... может быть настолько мягкой?

В армии Янь Гуй был окружен грубыми вояками с обветренными лицами, каждый из которых был по-своему неотесанным. Он никогда не встречал таких нежных и утонченных мужчин, как Хэ Цяньсяо.

Он даже начал сомневаться, не женщина ли перед ним.

Впрочем, это было маловероятно: Хэ Цяньсяо — сын императора, и никто не осмелился бы выдать принцессу за принца. Это было бы преступлением против императора, караемым смертью.

Добравшись до дворца, они вышли из кареты.

Казалось бы, поездка должна была сберечь силы, но оба выглядели так, будто пробежали марафон. Особенно Хэ Цяньсяо: при выходе из кареты ноги у него едва не подкосились, а в руках не было никакой силы.

Все дело в сильной инерции и плохой устойчивости экипажа — Хэ Цяньсяо стоило огромных трудов усидеть на месте.

А вот что утомило Янь Гуя — оставалось загадкой.

После выхода из кареты Хэ Цяньсяо поспешно откланялся. Он понял, что поддерживать отношения с генералом — дело непростое и крайне энергозатратное. На сегодня с него было достаточно, оставалось лишь поскорее уйти.

Когда он скрылся, Янь Гуй некоторое время стоял на месте, глядя ему вслед, и лишь потом направился во дворец Чэнцин.

Хэ Цяньсяо вернулся во дворец Ицин, где его тут же встретил Юань Юань.

Юань Юань что-то прошептал ему на ухо, и Хэ Цяньсяо бросил взгляд в сторону покоев Императрицы.

Прошел еще день, и по дворцу поползли слухи.

Говорили, что в глубине гарема, неподалеку от покоев Императрицы, по ночам часто слышны душераздирающие крики. Все были в недоумении: Императрица давно предается молитвам и уединению, откуда там взяться таким звукам?

— Эй, ты слышала?

— О чем?

— Во дворце нынче беспокойно. Говорят, кто-то вершит самосуд, пытается людей.

— Что? Но разве законы Великой Хэ не запрещают самосуд? Как можно быть настолько дерзким, да еще и во дворце? Неужели не боятся гнева Его Величества?

— Наверное, это кто-то из любимцев, кому наказания не страшны.

— Скажу тебе по секрету, только не проболтайся — самосуд вершит не какой-то там любимчик, а сама хозяйка Срединного дворца!

Две служанки шли и перешептывались, и им казалось, что в ушах все еще звучит тот леденящий душу крик.

В то же самое время во дворце Чэнцин император с грохотом швырнул донесение на стол, его лицо пылало от гнева.

Рядом с ним на коленях стояла женщина, заливаясь слезами. Судя по наряду, это была одна из наложниц. Она всхлипывала, пытаясь оправдаться:

— Ваше Величество, прошлой ночью я нарушила Ваш покой, это вина Ван Жун. Но я действительно слышала...

— Довольно, — сдержанно произнес император. — Уходи.

Наложница по имени Ван Жун в растерянности застыла на коленях.

Император повторил:

— Уходи!

Ван Жун в панике поползла прочь.

Император плотно закрыл донесение, немного подумал и позвал главного евнуха.

— Я иду к Императрице.

Оставался последний день из срока, который император отвел Хэ Цяньсяю.

Если до конца этой ночи результатов не будет, император исполнит свое обещание — накажет всех обитателей дворца Ицин.

Хотя сейчас все было тихо и император не давал никаких намеков, слово монарха — закон, и отступать от него не было смысла. Хэ Цяньсяю сам выпросил шанс на оправдание, и если он его упустит, терпение императора окончательно лопнет.

Но Хэ Цяньсяо был невозмутим. Даже когда наступила ночь, он велел Юань Юаню принести ему ночной перекус.

И в тот момент, когда Юань Юань вернулся с едой, во дворце Ицин появился неожиданный гость. Императрица.

Обычно она редко покидала свои покои, и сегодня Хэ Цяньсяо, услышав об ее прибытии, едва не решил, что ослышался.

Весь дворец Ицин пал на колени. Хэ Цяньсяо поприветствовал Императрицу, которая, войдя, медленно и молча опустилась на главное место.

Служанка рядом с ней произнесла:

— Можете подняться.

— Сегодня наша госпожа пришла, чтобы найти одну заколку, — добавила служанка. — Шестой принц, простите за беспокойство.

Сердце Хэ Цяньсяо ушло в пятки, но он улыбнулся:

— Не подскажите, какую именно заколку ищет матушка?

Понятно, что заколка — лишь предлог.

Опять поиски заколки... в других дворцовых драмах подобный прием использовали тысячу лет назад. Не зря это был роман, полный клише, где возможно абсолютно всё.

В последнее время он действовал слишком активно, а его связи были недостаточно крепки. Императрица же жила во дворце десятки лет, ее сеть шпионов была куда обширнее, так что неудивительно, что она заметила его действия.

Императрица молчала, ее служанка служила ей устами.

— Заколка, которую ищет наша Императрица, — это бесценная нефритовая шпилька, безусловно белая, подаренная самим императором много лет назад. К сожалению, она пропала, и мы обыскали весь дворец. Остались только покои Шестого принца. Не позволите ли нам поискать?

Хэ Цяньсяо поднял глаза и встретился со взглядом Императрицы.

Она холодно смотрела на него, и в ее глазах читалась такая ненависть, что она даже не пыталась ее скрыть.

Хэ Цяньсяо заподозрил, что то, как ее сын относился к нему, было не без ее участия.

— Вот как? — переспросил Хэ Цяньсяо. — Матушка, хотя я и Ваш сын, но все же кровной связи между нами нет. Уместно ли это?

Служанка возразила:

— Шестой принц, Императрица — Ваша мать, что же тут неуместного?

— Но я никогда не бывал в ее покоях, а она — в моих. Принцы и наложницы живут отдельно, и если матушка станет обыскивать...

Служанка хотела продолжить, но Императрица внезапно прервала ее:

— Довольно, Цзиньшуан.

Хэ Цяньсяо, разумеется, тоже замолчал.

Голос Императрицы был негромким, но исполненным величия:

— Цзиньшуан, останься, остальные пусть выйдут. Я хочу поговорить с Шестым принцем наедине.

Когда все ушли, двери дворца остались распахнутыми — ради приличия.

Было видно, что они делают, но слов слышно не было.

Хэ Цяньсяо стоял перед Императрицей, а та спокойно произнесла:

— Если бы я тогда проявила больше жестокости, сегодня ты бы здесь не стоял.

Хэ Цяньсяо ответил:

— Но у матушки все же нашлось милосердие.

— Верно, — Императрица встала и медленно подошла к нему. — Я много лет в этом дворце, и первое, чему научилась — не жалеть врагов. Проявишь жалость сегодня — завтра сам окажешься в могиле, без шанса на возвращение.

Хэ Цяньсяо заметил:

— Вы не позволите себе оказаться в таком положении.

— Но уже поздно, — она посмотрела на него. — Ведь я оставила в живых тебя, маленькую заразу.

Хэ Цяньсяо промолчал.

Лицо Императрицы было бесстрастным. Годы молитв не сделали ее святой, напротив, она стала той, кто может творить зло, не моргнув глазом.

Она продолжила:

— Впрочем, мы не враги, Шестой принц. Просто ты встал на пути моего сына. Прости мать, которая заботится о своем ребенке.

Едва она закончила, как снаружи послышался шум.

Главный евнух императора громко объявил:

— Его Величество прибыл!

Они отступили друг от друга и одновременно опустились на колени.

Едва евнух закончил фразу, император ворвался в зал. Увидев обоих на коленях, он немного подавил гнев и глухо произнес:

— Императрица, к чему такие почести?

Хэ Цяньсяо расставил ловушки, и теперь император должен был все понять.

Плести интриги против других принцев ради своего сына — в гареме это считалось тяжким грехом, и если это раскрывалось, последствия были серьезными. Сейчас император говорил еще довольно сдержанно.

Императрица ответила:

— Я виновна и пришла просить у Вашего Величества прощения.

— Ты действительно виновна!

Император закрыл глаза.

— Императрица, ты понимаешь, какое это преступление — покушаться на жизнь принца? Ты столько лет постилась и молилась, и вот до чего дошла?

Императрица опустила голову:

— Я знаю.

В последние годы император чувствовал вину перед ней. Императрица всегда была властной и не хотела показывать слабость, поэтому даже если император хотел загладить вину, он не знал, как подступить.

Теперь, видя ее в таком состоянии, император почувствовал бессилие.

— Что мне теперь с тобой делать?

В этот момент снаружи раздался еще один голос:

— Наследный принц прибыл!

Хэ Цяньсяо, который до этого склонился к полу, слегка приподнялся, поглядывая в сторону входа.

Прийти сейчас — это все равно что подлить масла в огонь.

Учитывая ум Наследного принца, он должен был понимать, что сейчас не время для визитов. Скорее всего, тревога за мать взяла верх над рассудком.

Император взмахнул рукой и гневно крикнул:

— Не впускать! Пусть уходит!

Это был не обычный гнев. В этот раз император был по-настоящему разъярен. Слуга, пытавшийся налить ему чаю, был оттолкнут, и чашка разбилась, залив пол.

Хэ Цяньсяо молча стоял на коленях.

Он знал, что сейчас ему лучше не произносить ни слова, ведь все началось из-за него.

Он не мог лично сказать императору, что выбрал такой путь, в результате которого многолетняя ширма, скрывавшая правду об отношениях между императором и Императрицей, была окончательно сорвана.

Точно так же, как и Наследный принц не должен был приходить.

Молчание было лучшим выбором. Когда император придет в себя и почувствует вину перед ним — вот тогда и настанет его время.

«Императрица, — император крепко зажмурился, — что мне делать? Когда я вытащил ту старуху из твоих покоев, знаешь ли ты, как сильно я был разочарован?»

Императрица резко подняла голову:

— Старуху?!

Ее взгляд метнулся к Хэ Цяньсяо, но тот не смотрел на нее, продолжая стоять с опущенной головой, изображая трепет. В одно мгновение Императрица поняла, что сделал Хэ Цяньсяо.

Она не была настолько глупа, чтобы прятать мать Хэ Юя у себя в покоях.

Слухи о кричащей женщине, которые ходили последние дни, распустил Хэ Цяньсяо. Она знала, что он что-то затевает, и потеряла покой, но была слишком уверена в себе, полагая, что император не найдет доказательств.

Сегодня она пришла под предлогом поиска заколки, чтобы припугнуть его.

Но она не учла, что Хэ Цяньсяо уже все рассчитал! Мать Хэ Юя давно была у него в руках, и он воспользовался моментом, чтобы подбросить ее в покои Императрицы.

Император сначала пошел к ней, и как только он оказался в ее дворце, отправить старуху к нему было делом техники.

Чего Императрица не могла понять, так это того, как Хэ Цяньсяо удалось так точно рассчитать время?

Она вспомнила, как Наследный принц в последние дни заходил к ней и постоянно ворчал, что его никчемный шестой брат только и делает, что слоняется по дворцу, становясь все бесполезнее.

На лице Императрицы мелькнула паника.

Хэ Цяньсяо нельзя недооценивать!

Все эти годы она была ослеплена его внешностью, но теперь видела: этот человек терпелив и

искусно притворяется слабым, чтобы нанести удар.

Если бы Хэ Цяньсяо знал, о чем она думает, он бы усмехнулся: это не терпение, просто в этой оболочке теперь другой человек.

Он придерживался принципа: если его не трогают, он не трогает никого. Но если кто-то переходил дорогу ему, он никогда не позволял себе остаться в проигрыше.

Император, видя, что Императрица молчит, понял, что все решено. Он тяжело вздохнул и приказал страже:

— Впустите Наследного принца.

Наследный принц, успевший остыть у дверей, вошел, сохраняя внешнее спокойствие. Его мать стояла на коленях, но он, не глядя на нее, поклонился отцу.

Император разочарованно произнес:

— Возвращайся в свой Срединный дворец! И не смей выходить оттуда ни на шаг!

Он решил посадить ее под домашний арест.

Преступление Императрицы, подобно тому, в котором она обвиняла Хэ Цяньсяо, могло быть как незначительным, так и тяжким. В свое время она проявила к Хэ Цяньсяо милосердие, и это в итоге оставило ей путь к отступлению.

Хэ Цяньсяо изначально не хотел ее смерти.

Решение императора было почти таким, как он ожидал.

Даже чуть суровее, ведь император не уточнил, когда она сможет выйти.

Если император захочет ее доконать, она может остаться в заточении навсегда.

Пока Императрицу уводили, Хэ Цзычэнь не проронил ни слова.

Войдя, он вел себя так, будто просто пришел поглазеть, но Хэ Цяньсяо видел, как сильно он сжимает кулаки, и понимал, что внутри у принца бушует буря.

Наследный принц, несмотря на свою гордыню, был сыновним почтительным.

И действительно, как только император ушел, Хэ Цзычэнь мрачно уставился на Хэ Цяньсяо.

— Не думал, что у Шестого брата есть такие способности.

Хэ Цяньсяо не хотел ввязываться в конфликт и решил прибегнуть к старому методу — прикинуться дурачком:

— О чем это Вы, старший брат? Вы, должно быть, ошиблись.

Но этот метод с Наследным принцем больше не работал.

Император уже удалился, слуги поднялись с колен, боясь смотреть на двух принцев. Хэ

Цзычэнь поднял руку и сквозь зубы процедил:

— Все вон.

Юань Юань, участвовавший во всем этом, понимал невиновность Хэ Цяньсяо.

Он поспешно сказал:

— Ваше Высочество, ночь уже поздняя, присядьте, рабы приготовят чай...

— Ты кто такой? — Хэ Цзычэнь даже не взглянул на него, чеканя каждое слово. — Я сказал — вон отсюда!

Хэ Цяньсяо понял, что не отвертеться, и вздохнул:

— Юань Сяоюань, выходи.

Когда слуги удалились, Хэ Цзычэнь тут же схватил Хэ Цяньсяо за воротник.

В его глазах горел скрытый гнев, он усмехнулся:

— Я всегда ненавидел никчемных и слабых, и не понимал, почему из всех братьев именно ты больше всего любим отцом. Теперь я вижу — старый имбирь острее, я тебя недооценил.

Хэ Цяньсяо прямо смотрел на него, больше не желая притворяться.

Хэ Цзычэнь сам нашел ему оправдание, не так ли?

Хэ Цяньсяо почувствовал дискомфорт, отклонился назад и начал по одному разжимать пальцы Хэ Цзычэня, вцепившиеся в его воротник.

Их руки соприкоснулись. Кончики пальцев Хэ Цяньсяо были прохладными и какими-то неестественно гладкими.

Словно нежный тофу.

Хэ Цзычэнь увидел его опущенные ресницы и поджатые красные губы. На мгновение он замер, едва не отдернув руку от неожиданности, но тут же опомнился и сжал воротник еще крепче.

— Старший брат, — Хэ Цяньсяо, не сумев разжать хватку, сдался и медленно произнес, — Вы ошибаетесь. Я просто хотел выжить.

Сказав это, он поднял глаза, пытаясь выразить взглядом свою невинность.

К его удивлению, Хэ Цзычэнь резко отпустил его.

Хэ Цяньсяо не устоял на ногах и едва не рухнул, спасло его лишь то, что сзади был стол.

Он посмотрел на Хэ Цзычэня и увидел его руки, застывшие в воздухе — тот не успел их убрать.

Грудь Хэ Цзычэня тяжело вздымалась. Он пристально смотрел на него несколько секунд, а затем, не в силах больше сдерживаться, развернулся и ушел.

Императрица была заточена, и император не собирался выпускать ее, решив проучить.

Род Императрицы был весьма влиятелен, и поспешные действия могли привести к непредсказуемым последствиям, поэтому ее домашний арест стал для Хэ Цяньсяо неожиданной удачей.

На следующий день после того вечера император вызвал Хэ Цяньсяо, одарил его и постарался успокоить.

После этого император больше не вызывал его.

Хэ Цяньсяо не переживал. Столько лет брака, и он в одночасье сорвал с них маски — гнев императора был естественен. Стоило тому остыть, как все наладится.

Чем меньше наград сейчас, тем больше будет его вина, когда император придет в себя. Ему ничего не нужно делать, только ждать.

Сейчас его больше беспокоил сюжет романа.

С самого появления главного героя он начал опасаться за развитие событий. Согласно временной линии, у него оставалось еще полгода, но он подсчитал: главный герой не должен был появиться так рано.

Возможно, он стал чужеродным элементом в этом мире, и его присутствие изменило траекторию истории.

Если главный герой появился раньше, значит ли это, что и его собственная смерть наступит раньше или позже?

К тому же, за те дни, что император не вызывал его, он подтвердил еще одну свою догадку.

Неважно, хотел он встречаться с тремя «великими» или нет, они все равно появлялись на его пути вполне естественным образом. А вот главный герой — нет.

Возможно, это связано с сюжетом первой части романа.

В начале у него было много контактов с тремя «великими» и мало с главным героем, а ближе к середине их общение должно было участиться.

Может, сюжет этого мира пытается исправить сам себя.

<http://bllate.org/book/18613/1792092>